

ВТОРОЙ ГОЛОС

— Том 2 —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЕРЖ КНЯЗЕВ

18+

Серж Князев
Второй голос. Том 2
Серия «Второй голос», книга 2

<https://litres.ru/74594724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прямое продолжение романа «Второй голос. Том 1».

Андрей уже знает главное: Голос не лжёт. Его ответы точны — но выбор всё равно остаётся за человеком. Фраза «Потому что ты уже однажды выбрал» возвращает Андрея к лету 1996 года: к реке, мальчику, которого он вытащил из воды, и событиям, которые почему-то помнит лишь обрывками.

Вскоре появляется Павел — тот самый спасённый мальчик. И он тоже слышит Голос.

След ведёт к людям из прошлого, старым кассетам, фотографиям и решениям, последствия которых растянулись на десятилетия. Чем точнее становятся ответы, тем опаснее оказывается соблазн использовать их вместо собственных решений.

Голос не ошибается. Но что произойдёт, если человек задаст правильный вопрос — и сделает из точного ответа неправильный вывод?

Содержание

Глава 1. Старая фотография	4
Глава 2. Не один	28
Глава 3. Второй адресат	58
Глава 4. Третий	78

Серж Князев

Второй голос. Том 2

Глава 1. Старая фотография

— Основной заказчик прислал уведомление, — закончил Ковалёв. — Пока не о расторжении. Пишут, что пересматривают подрядчиков и через два месяца могут уйти. Половина выручки этой конторы — от них. Вот теперь скажи: мне уже посылать продавца или сначала посмотреть?

Андрей сделал глоток кофе и вышел с чашкой на балкон. Утро только набирало обороты, но снизу уже тянулся привычный городской гул: хлопали двери машин, кто-то сигнализировал у выезда из двора, женщина в спортивном костюме пыталась убедить маленькую белую собаку, что прогулка должна происходить в другом направлении. Собака сидела на тротуаре и с мнением хозяйки явно не соглашалась.

— Вы мне вчера говорили, что продавец хочет сто двадцать миллионов.

— Хочет.

— Пусть хочет. Желания продавца к стоимости бизнеса отношения почти не имеют. Если половина выручки держится на одном клиенте и этот клиент собирается уходить, сначала надо понять, почему.

— Поэтому я тебе и звоню.

— У них производство своё?

— Ремонтная база, два корпуса, земля. Обслуживают промышленный холод, насосные, вентиляцию. Человек двадцать семь.

— Документы по недвижимости видели?

— Юристы смотрят.

— Тогда я посмотрю техническую часть. И желательно Мишу взять.

Ковалёв засмеялся.

— Я как раз хотел сказать: возьми своего молодого.

— Только ему не говорите, что он вам понравился. Он и так начинает подозревать, что незаменимый.

— А разве нет?

— Виктор Михайлович, в нашей профессии незаменимый сотрудник — это уже организационная ошибка.

— Вот поэтому с тобой иногда и противно разговаривать.

— Зато бесплатно не обманываю.

— В одиннадцать сможете?

Андрей посмотрел на часы.

— Сможем.

— Адрес сейчас скину. Я подъеду туда же.

— Договорились.

Он отключился. Через несколько секунд телефон коротко завибрировал — пришла геолокация и название фирмы.

Ирина появилась в дверях балкона с собственной чашкой

и сонно прищурилась на солнце.

— Ты уже кого-то спас?

— Пока только Ковалёва от покупки ста двадцати миллионов за красивую папку.

— Значит, утро прошло не зря.

Она встала рядом, опёрлась локтями на перила и посмотрела вниз. Собака всё ещё сидела. Хозяйка уже уговаривала её человеческим голосом.

— Кто победит? — спросила Ирина.

— Собака.

— Голос сказал?

Андрей повернул голову.

— Ты сейчас будешь это использовать по любому поводу?

— Конечно. Я месяц терпела твои эксперименты. Теперь у меня законное право.

— Очень удобно.

— Ты же любишь удобные решения.

Он усмехнулся и снова посмотрел во двор. Голос молчал. Андрей не чувствовал ни ожидания, ни привычного желания немедленно сформулировать вопрос. Компания Ковалёва могла оказаться хорошей, плохой, переоценённой, недооценённой — всё это пока существовало в обычном мире, где были бухгалтерия, оборудование, клиенты, люди и телефоны. Чтобы узнать, почему уходит заказчик, можно было позвонить заказчику. Чтобы понять состояние цеха — приехать и посмотреть. Чтобы выяснить цену недвижимости —

заказать оценку.

Ещё месяц назад он, наверное, уже вертел бы в голове что-нибудь вроде: «Стоит ли Ковалёву покупать эту фирму?»

Теперь подобный вопрос казался почти бессмысленным.

Стоит — по какой цене? При каких условиях? Если главный клиент останется? Если уйдёт? Если останутся ключевые специалисты? Если продавец согласится отдать недвижимость отдельно?

Правильный ответ на плохой вопрос по-прежнему оставался правильным. Только пользы от этого могло не прибавиться.

— Ты сейчас опять думаешь о нём, — сказала Ирина.

— О Ковалёве?

— Нет. Когда ты думаешь о Ковалёве, у тебя лицо раздражённое. А сейчас научное.

— У меня есть научное лицо?

— Есть. Очень неприятное.

— Спасибо.

Она отпила кофе.

— Во сколько вернёшься?

— Не знаю. В одиннадцать посмотрим фирму, потом офис. Настя обещала приехать насчёт сайта.

— Вечером?

— Ты же говорила, что занята.

Ирина повернулась к нему и несколько секунд молча смотрела.

— Запомнил.

— Я вообще способный.

— Не торопись с выводами.

— Вот поэтому у нас и нет романтики.

— Нет, Андрей. Романтики у нас нет, потому что ты вчера перед сном двадцать минут рассказывал, почему восстановленный насос иногда выгоднее нового.

— Ты сама спросила.

— Я спросила, почему ты улыбаешься.

— Это было связано.

— Именно.

Она поцеловала его в щёку и ушла на кухню.

Через сорок минут Андрей уже пробирался по утреннему Краснодару к офису. На Северной всё стояло плотнее обычного. Справа курьер на мопеде втиснулся между рядами, впереди водитель белого кроссовера одновременно держал телефон у уха, пил кофе и пытался перестроиться без поворотника. Андрей некоторое время наблюдал за ним, потом просто отпустил газ и увеличил дистанцию.

Никаких предупреждений не понадобилось. Часть опасностей прекрасно читалась и без Голоса.

Миша приехал раньше него и обнаружился у Лениного стола. На мониторе была открыта страница с промышленным компрессором, а сам Миша увлечённо объяснял что-то про производительность и ресурс.

Лена увидела Андрея первой.

— Андрей Викторович, скажите ему.

— Даже не знаю, на чью сторону вставать, пока не понял обвинение.

— Он уже двадцать минут выбирает компрессор, который мы не собираемся покупать.

Миша обернулся.

— Я не выбираю. Я сравниваю.

— Вслух, — уточнила Лена.

— А что, мешаю?

Она посмотрела на него с таким выражением, что Андрей не выдержал.

— Миш, ты сейчас серьёзно спросил?

— Ну... если мешаю, мог сказать человек.

— Человек говорил, — сказала Лена. — Ты рассказывал про давление на выходе.

— Ладно, понял.

Он закрыл вкладку.

— В одиннадцать поедешь со мной.

— Куда?

— Ковалёв присмотрел фирму за сто двадцать миллионов и хочет понять, почему не надо платить сто двадцать.

Миша сразу заинтересовался.

— Что за фирма?

Андрей положил перед ним распечатку.

— Сервис по промышленному холоду, насосным и вентиляции. Свой цех, двадцать семь человек. Половина оборота

— один клиент, который собирается уходить.

Миша быстро пролистал первые страницы.

— А зачем Ковалёву такая фирма?

— Отличный вопрос. В машине подумаешь, как задать его человеку, который уже мысленно её купил.

— Я?

— Ты.

— А если он обидится?

Лена усмехнулась:

— Могу написать вежливый вариант.

— Спасибо, сам справлюсь.

— Вот и проверим, — сказал Андрей. — В десять двадцать выезжаем.

Он прошёл в кабинет, включил компьютер и увидел лежащую у края стола тетрадь. Вчера принёс её из дома с мыслью переписать часть записей в электронный файл — просто чтобы не держать всё в одном месте. Потом представил папку с названием вроде «Разговоры с голосом» и решил, что бумага пока безопаснее хотя бы для собственного чувства юмора.

Телефон завибрировал — звонила Настя.

«Буду после двух. Найди старые фото объектов. Не только железо. Люди тоже нужны».

Андрей ответил:

«Людей мало. Железа много».

Через несколько секунд пришло:

«Поэтому нынешний сайт и выглядит как каталог насосов для серийного убийцы».

Он невольно улыбнулся.

«Приедешь — сама посмотришь».

«Так и знала».

В десять двадцать они выехали. До адреса было около получаса, но пробки могли добавить ещё столько же. Фирма располагалась в промзоне по Ростовскому шоссе: невысокое административное здание, два ангара, асфальтированная площадка, три служебных фургона и старый погрузчик, оставленный возле ворот.

Ковалёв уже ждал у входа.

— Вовремя.

— Иногда получается, — сказал Андрей.

— Михаил, добрый день.

— Виктор Михайлович.

Миша пожал протянутую руку, а Андрей заметил, что директор фирмы, вышедший им навстречу, смотрит прежде всего на Ковалёва. Привычная ошибка продавцов: видеть человека с деньгами и переставать замечать тех, кого он привёл с собой.

Первые десять минут Андрей почти не задавал вопросов. Директор говорил сам. Рассказывал про двадцать лет на рынке, постоянных заказчиков, уникальных специалистов, репутацию и «отлаженные процессы».

Словосочетание про процессы Андрей запомнил, а в ре-

монтажном цехе оно зазвучало особенно выразительно.

Прямо возле открытых ворот стоял разобранный винтовой компрессор. Часть деталей лежала на поддонах, часть — на картоне. Через ворота тянуло пылью с площадки.

Миша замедлил шаг, и Андрей, заметив это, едва заметно кивнул: спрашивай.

— Вы здесь его собираете? — поинтересовался Миша.

— Ремонтируем, — ответил директор.

— Полностью разбирали?

— Да.

Миша посмотрел на открытые ворота, потом на детали.

— А зона сборки у вас где?

— Здесь.

— Отдельной чистой зоны нет?

Директор пожал плечами.

— Мы двадцать лет так работаем.

Миша ничего не сказал, только кивнул. Уже через пару шагов Ковалёв тихо спросил:

— Это плохо?

— Это не ответ на вопрос, — так же тихо заметил Андрей.

Дальше стало понятнее.

Фирма действительно держалась на нескольких сильных специалистах. Андрей поговорил с двумя мастерами и начальником участка — люди знали оборудование, помнили объекты, могли объяснить причину старых отказов без красивых презентаций. Но вокруг них существовала система,

рассчитанная на то, что хороший специалист лично закроет любую дыру.

Складской учёт расходился с фактическим. Акты по некоторым ремонтам оформляли спустя неделю. Сроки запчастей никто толком не контролировал. Директор каждый серьёзный вопрос замыкал на себя, а потом жаловался, что без него ничего не решается.

Возле стеллажа с электродвигателями Андрей остановился.

— Сколько рекламаций за прошлый год?

Директор задумался.

— Немного.

— «Немного» — это две или двадцать две?

— Надо посмотреть.

— Кто знает без просмотра?

— Начальник сервиса, наверное.

— А вы?

— Я все цифры в голове не держу.

— И не должны. Где они учитываются?

Директор чуть помедлил.

— В журналах. Плюс бухгалтерия.

Андрей посмотрел на Ковалёва. Тот ответил почти незаметным движением бровей: понял.

Через сорок минут они вышли на улицу. Директор остался внутри — ему позвонили.

Ковалёв достал сигареты.

— Не знал, что вы курите, — сказал Андрей.

— Только когда мне пытаются продать «отлаженный бизнес».

— Тогда сегодня можно пачку.

Ковалёв закурил и посмотрел на Мишу.

— Михаил?

Миша явно не ожидал, что спросят первым.

— Я?

— Вы.

Он на секунду задумался.

— Специалисты там есть хорошие. Прямо хорошие. Но если половина денег у них от одного клиента, я бы сначала спросил этого клиента, почему он уходит.

Ковалёв перевёл взгляд на Андрея.

— Вы сговорились?

— Он молодой, но обучаемый.

— Сто двадцать?

Андрей покачал головой.

— Вы опять хотите одну цифру. Сначала разделите то, что вам продают. Земля и здания — одна стоимость. Оборудование — другая. Люди и действующие договоры — третья. А вам сейчас всё сложили в пакет и сверху написали «работающий бизнес». Если основной заказчик уйдёт, часть этой цены исчезнет быстрее, чем вы подпишете договор.

— То есть не брать?

— Я этого не говорил.

— А что ты сказал?

— Что сначала надо понять, что именно вы хотите купить. Ковалёв раздражённо затынулся.

— Андрей, мне пятьдесят восемь лет. Я не первый бизнес покупаю.

— Поэтому я и не понимаю, зачем вы задаёте вопрос «брат или не брат».

Миша уставился куда-то в сторону, старательно делая вид, что его здесь нет.

Ковалёв несколько секунд смотрел на Андрея, потом неожиданно рассмеялся.

— Вот за это я тебе и плачу.

— Хорошо, что вспомнили.

— Если продавец упадёт до восьмидесяти?

— Ничего не изменится. Сначала поговорите с заказчиком.

— А до шестидесяти?

— Виктор Михайлович.

— Ладно, понял.

Он выбросил сигарету.

— Позвоню сегодня.

В машине Миша продержался минуты две.

— Он реально хочет, чтобы вы сказали «да» или «нет».

— Все хотят.

— А вы можете?

Андрей вырулил на дорогу.

— Могу.

— Тогда почему не спросить?

Вопрос прозвучал без намёка. Миша не знал всей внутренней кухни, но знал достаточно, чтобы иногда осторожно касаться темы.

— Потому что пока можно не спрашивать.

— А если ошибётесь?

Андрей посмотрел на него.

— Тогда будет моя ошибка.

Миша кивнул, словно именно этот ответ и ожидал.

— Нормально.

— Что нормально?

— Не знаю. Звучит нормально.

— Сильный аналитик.

— Учусь у вас.

В офисе они вернулись около двух. Настя уже сидела рядом с Леной и показывала ей что-то на ноутбуке.

Увидев отца, она подняла ладонь.

— Не мешай.

— Это мой офис.

— Поэтому и говорю заранее.

Андрей поставил ключи на стол.

— Что показываешь?

— Главную страницу.

— Без меня?

Настя вздохнула.

— Пап, ты сейчас скажешь, что старая была нормальная.

— Она была нормальная.

Настя повернула ноутбук к Лене.

— Я же говорила.

Лена с самым серьёзным видом кивнула.

— Слово в слово.

— Предатели.

Через десять минут Андрей всё-таки сидел рядом. Новая страница действительно выглядела лучше: большая фотография работающего цеха, реальные объекты, понятный список услуг. Исчезли фразы про «динамично развивающуюся компанию» и «комплексные инновационные решения».

— А это зачем убрала?

— Что?

— Про динамично развивающуюся.

Настя посмотрела на него с подозрением.

— Ты серьёзно?

— Мне интересно.

— Потому что так пишут компании, которым нечего про себя сказать.

Лена отвернулась к монитору.

— Не смейся, — сказал Андрей.

— Я молчу.

— Я вижу плечи.

Настя прокрутила страницу ниже.

— Мне нужны старые фотографии. Лет десять-пятна-

дцать назад. Объекты, люди, машины, старый офис.

— Зачем?

— Чтобы было видно, что вы не вчера появились.

— В нынешнем виде фирма почти вчера появилась.

— Но ты-то не вчера работаешь. У тебя были другие компании, объекты, команда. История не обязана начинаться с нового ООО.

Андрей задумался.

Фотографии действительно были, только Андрей не сразу вспомнил, где их искать.

— Посмотрю дома.

— Сегодня.

— Я сказал посмотрю.

— Поэтому уточняю срок.

— Ты очень похожа на мать.

— Это сейчас комплимент?

— Я ещё решаю.

Настя улыбнулась.

— И твоя фотография нужна.

— Нет.

— Почему сразу нет?

— Потому что людям не обязательно смотреть на моё лицо, чтобы заказать насос.

— Люди заказывают не только насос. Они доверяют компании. Хотят видеть, кто за неё отвечает.

— Мишу сфотографируй.

Из соседней комнаты донеслось:

— Я слышу.

— Тем более, — сказал Андрей.

— Я не владелец.

— Пока.

Миша появился в дверях.

— Это угроза или карьерный план?

— Иди работай.

— Понял. Угроза.

К шести Андрей был дома. Ирина написала, что освободится не раньше девяти. Поужинать он решил позже, включил компьютер и полез в шкаф искать старый внешний диск.

Нашёл во втором ящике. Серый пластиковый корпус, короткий провод, выцветшая наклейка «АРХИВ». Компьютер сначала его не увидел. Андрей переставил кабель, подождал, уже решил, что диск умер, и только тогда появилось новое устройство.

Папок оказалось несколько десятков: «Работа», «Документы», «Фото», «Старый офис», «Объекты», «Разное».

В «Фото» лежали тысячи файлов, собранных без особой системы. Андрей открыл первые и почти сразу забыл, зачем полез.

Настя маленькая, лет шесть, на море. Стоит по колено в воде, шуруется и держит огромную надувную касатку.

Следом шли школа, потом дача.

Родители ещё живы. Отец сидит на кухне в майке, перед

ним раскрыта газета, и смотрит на фотографа с выражением человека, которого отвлекли от действительно важного дела.

Андрей задержался.

Иногда удивляло не то, как много забывается, а то, насколько быстро фотография возвращает то, о чём ты вообще не думал годами. Не события — мелочи. Голос отца. Его привычку складывать газету вчетверо. Запах кухни в старой квартире.

Он перелистнул дальше.

Цифровые снимки постепенно сменились сканами бу-мажных фотографий. Кто-то когда-то начал оцифровывать семейные альбомы и бросил на середине.

Две тысячи второй, девяносто девятый, девяносто восьмой.

Андрей уже собирался закрыть папку и искать рабочие объекты отдельно, когда увидел название:

«1996 лето».

Рука остановилась на мыши, и несколько секунд Андрей просто смотрел на экран.

Совпадение само по себе ничего не значило. Лето девяносто шестого было не одно. Фотографий тогда делали много. Но внутри уже появилось знакомое неприятное напряжение.

Андрей открыл папку: двадцать семь файлов.

Первая фотография — большая компания за длинным деревянным столом. Молодые, загорелые. Пластиковые стаканы, бутылки, хлеб прямо на газете. Себя Андрей нашёл не

сразу: двадцать два года, худой, волосы почти до плеч, футболка без рукавов; сидит с краю и что-то эмоционально объясняет парню рядом.

— Господи, — тихо сказал Андрей. — И ведь ходил так. На следующем снимке были берег, машины и вода.

Ещё один — он сам по колено в реке, повернулся к фотографу и что-то кричит.

Андрей приблизил изображение и сразу узнал этот свет.

От воды отражалось солнце так сильно, что часть кадра была почти белой.

Жаркий воздух и слепящий блеск воды возвращали точно то ощущение, которое приходило после слов Голоса.

На следующей фотографии были женщина в купальнике, двое мужчин возле машины, а дальше — мальчишка. Андрей замер.

Ребёнок стоял у самой воды боком к камере. Лет десять-одиннадцать. Худой, загорелый, в светлых плавках. Лицо почти неразлично.

Он увеличил снимок. Картинка сразу рассыпалась на крупные квадраты, но память среагировала раньше, чем глаза успели что-то рассмотреть.

Память отозвалась короткими вспышками: шум, чей-то крик, люди бегут вдоль берега, он снимает кроссовки.

Андрей закрыл глаза, пытаясь удержать продолжение, но воспоминание снова оборвалось.

Телефон завибрировал так неожиданно, что Андрей

вздрыгнул. На экране был неизвестный номер и сообщение:

«Андрей Викторович?»

Он нахмурился и ответил:

«Да. Кто это?»

Через несколько секунд пришёл ответ:

«Извините за странный вопрос. Вы летом 1996 года отдыхали компанией на реке?»

Андрей перечитал сообщение дважды: совпадение было уже слишком точным.

Первая мысль — Настя. Нашла фотографии раньше, решила разыграть? Нет. Не её манера. Да и откуда ей знать о реке, если сам Андрей почти ничего не помнил?

Он набрал:

«На какой реке?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Если это вы, название вам не нужно подсказывать».

— Ну конечно, — сказал Андрей вслух.

Он ещё раз посмотрел на фотографию мальчишки и написал:

«Представьтесь».

На этот раз ожидание затянулось. Три точки появлялись, исчезали, снова появлялись.

Наконец пришло изображение.

Старая бумажная фотография, переснятая телефоном. Тот же мальчик, только ближе. Рядом женщина лет тридцати и мужчина в светлой рубашке.

Следом сообщение:

«Павел Ларин. На фотографии я. Мне было одиннадцать».

Андрей почувствовал, как что-то внутри окончательно встало на место.

Да, это был тот мальчишка. Имени Андрей не помнил, но сама история вернулась сразу: вода, крик, ребёнка понесло, все решили, что вниз по течению, а он почему-то бросился в другую сторону.

Андрей набрал:

«Что вам нужно?»

Ответ:

«Поговорить. Вы меня тогда вытащили».

Он откинулся на спинку кресла. Теперь память перестала сопротивляться факту: да, он действительно вытащил этого мальчика.

И ничего героического в собственном воспоминании не было. Наоборот, всё выглядело грязно, тяжело и страшно. Он наглотался воды, сам едва выбрался, потом лежал на берегу и минут десять не мог нормально вдохнуть. Кто-то сунул бутылку, женщина плакала, приехала скорая.

Почему он почти не вспоминал об этом тридцать лет? Наверное, потому что всё закончилось хорошо: мальчик выжил, он сам выжил, а через несколько дней жизнь пошла дальше.

Андрей написал:

«Почему вы нашли меня сейчас?»

Павел ответил не сразу:

«Недавно умерла мама. Разбирал её вещи. Нашёл записи про тот день».

Андрей посмотрел на женщину на фотографии.

«Какие записи?»

Ответ задержался.

«Можно лучше созвониться?»

Андрей посмотрел на часы. Без двадцати восемь.

Ирина должна была приехать примерно через час.

Он нажал вызов сам.

Павел ответил на третьем гудке.

— Да?

— Павел?

— Да. Андрей Викторович?

— Просто Андрей. Рассказывайте.

На том конце коротко выдохнули.

— Даже не знаю, с чего начать.

— Вы сами меня нашли. Начните с того, зачем.

— Я тридцать лет думал, что знаю эту историю. А теперь прочитал мамины записи и понял, что не знаю.

Андрей перевёл взгляд на фотографию молодого себя у воды.

— Что именно?

— Она подробно описала, как меня унесло.

— Я примерно помню. Вы полезли далеко, течение пота-

щилю.

— Да. Все побежали вниз по берегу. Искали там.

— Ну.

— Вы не побежали.

Андрей ничего не ответил.

— Вы сначала тоже двинулись со всеми, — продолжил Павел. — Потом остановились, вернулись почти на то же место и полезли в воду.

Память отозвалась сразу: тёмная полоса у противоположного берега, кусты, ветка над водой, он плывёт поперёк, а сзади кто-то орёт.

— Андрей?

— Я слушаю.

— Мама потом спросила, почему вы поплыли туда. Вы сказали, что вам крикнули, где я.

Андрей медленно выпрямился.

— Кто крикнул?

— Вот в этом и проблема. Она хотела поблагодарить человека. Начала спрашивать тех, кто был рядом.

— И?

— Никто вам этого не говорил.

В комнате стало удивительно тихо.

Павел продолжил:

— Она записала фамилии нескольких людей, которых потом спрашивала. Никто не видел меня возле тех кустов. И никто не говорил вам плыть туда.

Андрей провёл ладонью по лицу. В голове всплыло не громкое и не похожее на крик слово — просто ясное указание: **Левее.**

Он не был уверен, что действительно вспомнил его сейчас, а не придумал после разговора. Именно поэтому не произнёс вслух.

— Может, кто-то был случайный, — сказал Андрей. — Людей на берегу хватало.

— Может.

— Тогда что вас беспокоит?

Павел помолчал.

— Мама спросила вас, мужчина это был или женщина.

Андрей почувствовал холод вдоль спины.

— И что я ответил?

— Что не знаете.

Он закрыл глаза.

Перед глазами вспыхнули жара, вода, чужой крик с берега — нет, не крик, а слово.

Левее.

— Андрей?

— Да.

— Вы помните?

— Я помню слишком мало, чтобы доверять этому.

— Поэтому я и хотел встретиться.

— Встретиться?

— Да. Я в Краснодаре. Если вы не против.

Андрей посмотрел на часы.

— Завтра могу после обеда.

— Я подстроюсь.

— Хорошо. Напишите место.

Павел опять помолчал.

— Андрей.

— Что?

— Это не всё.

Андрей медленно откинулся в кресле.

— Я почему-то уже догадался.

— По телефону не хочу.

— Тогда завтра.

— Спасибо.

Связь оборвалась.

Андрей ещё некоторое время держал телефон у уха, хотя разговор закончился.

На экране компьютера молодой парень двадцати двух лет стоял по колено в реке и улыбался фотографу.

Андрей смотрел на него и впервые отчётливо подумал не о том, что Голос, возможно, появился гораздо раньше перекрёстка.

Мысль была хуже: возможно, Голос появился именно тогда.

Глава 2. Не один

Ирина приехала в девять двадцать. Андрей к её приходу успел убрать фотографии с экрана, снова открыть их, приготовить мясо, порезать овощи и дважды почти задать Голосу один и тот же вопрос.

Павел Ларин говорит правду?

Формулировка была настолько удобной, что именно это и остановило.

Одно короткое «да» — и не надо смотреть на человека, проверять старые записи, искать свидетелей, разбираться, где память, а где поздняя фантазия. Одно «нет» — и тем более всё просто.

Слишком просто. В этот момент в замке повернулся ключ.

— Я пришла, — донеслось из прихожей.

— Слышу.

— Хорошо. Я уже опасалась, что ты перестал реагировать на обычные человеческие голоса.

Ирина вошла на кухню, поставила сумку на стул и посмотрела сначала на Андрея, потом на накрытый стол.

— Так. Мясо готово, салат есть, кухня не горит. Что случилось?

— Почему обязательно что-то случилось?

— Потому что в обычный день ты максимум спрашиваешь, что будем есть. А когда сам всё приготовил и сидишь с

таким лицом, значит, либо виноват, либо думаешь.

— Из двух вариантов мне второй нравится больше.

— Мне тоже. Поэтому рассказывай.

Она подошла, поцеловала его и только тогда заметила фотографию, снова открытую на ноутбуке.

— Это ты?

— Где?

— Вот этот волосатый.

— Нормальные волосы.

Ирина наклонилась ближе.

— Андрей, они почти до плеч.

— В девяносто шестом так было можно.

— Кому?

— Молодым и красивым.

— А. Тогда вопросов нет.

Он посмотрел на неё.

— Очень смешно.

Она улыбнулась, но почти сразу стала серьёзнее.

— Это та самая река?

— Похоже.

— И мальчик?

Андрей открыл фотографию, где Павел стоял у воды.

— Он.

Ирина перевела взгляд на Андрея.

— Ты его нашёл?

— Наоборот. Он меня.

— Сегодня?

— Час назад.

— Вот теперь я точно сяду.

Она отодвинула стул.

— Только давай с начала и без твоего любимого «ничего особенного».

Андрей рассказал про сообщение, фотографию, звонок, тетрадь матери Павла и людей, которые тридцать лет назад пытались понять, почему он поплыл не туда, куда побежали остальные.

Ирина слушала внимательно. Несколько раз хотела спросить, но останавливала себя, чтобы не перебивать. Когда Андрей дошёл до ответа, который дал в двадцать два года, — «не знаю, мужчина это был или женщина», — она медленно положила вилку.

— Подожди. Ты сейчас помнишь сам этот голос?

— Не уверен.

— Это хороший ответ.

— Почему хороший?

— Потому что минуту назад у тебя было лицо человека, который уже построил теорию.

— Я ничего не построил.

— Андрей, я тебя знаю. У тебя внутри уже фундамент залит.

Он невольно улыбнулся.

— Есть ощущение одного слова.

— Какого?

— «Левее».

Ирина немного помолчала.

— Ты его вспомнил до разговора с Павлом?

— Нет.

— Тогда пока не доверяй.

— Я и не доверяю.

— Вот и правильно. Память умеет очень убедительно до-
рисовывать.

— Спасибо, специалист.

— Не за что. Я бесплатно.

Андрей положил ей мясо.

Ирина попробовала, пожевала и одобрительно кивнула.

— Вкусно.

— Вот. Наконец-то объективная оценка.

— Я сказала «вкусно», а не «ресторан получил звезду».

— Тебе трудно сделать мужчину счастливым.

— Ты отлично справляешься сам.

Она снова посмотрела на фотографию мальчика.

— Подожди, — сказала уже совсем другим тоном. — Ты
действительно его вытащил?

— Ну да.

— Что значит «ну да»?

— То и значит. Полез, нашёл, вытащил.

Ирина отложила вилку.

— Андрей, ты полез за тонущим ребёнком в реку, сам на-

глотался воды и едва выбрался — и за всё время ни разу мне об этом не рассказывал?

Он пожал плечами.

— А чего рассказывать? Мне было двадцать два. Увидел, что пацана уносит, и полез. В таком возрасте сначала лезешь, а потом уже думаешь, хватит ли сил вернуться.

— Удивительный человек. Про три миллиона долга можешь рассказывать неделю с приложениями, а про спасённого ребёнка — «ну да».

— По долгу документы были.

Ирина несколько секунд смотрела на него, потом рассмеялась.

— Иногда я совершенно не понимаю, как ты устроен.

— Я простой.

— Да. Особенно последний месяц.

— Кстати, три семьсот.

— Что?

— Долг был три миллиона семьсот. Если уж вспоминать, то точно.

Она взяла салфетку и бросила в него.

— Вот именно об этом я и говорю.

Андрей поймал салфетку.

— Между прочим, Павел завтра хочет встретиться.

— Здесь?

— Он живёт в Краснодаре.

— И тридцать лет тебя не искал, а теперь вдруг нашёл?

— Мать недавно умерла. Разбирал её вещи, наткнулся на тетрадь.

— Такое бывает.

— Бывает.

— Но тебя что-то цепляет.

Андрей помолчал.

— Фраза «это не всё».

Ирина усмехнулась.

— Да, звучит так, будто дальше он достанет из папки карту сокровищ.

— Вот и мне не понравилось.

— Может, человек просто не умеет заканчивать разговоры.

— Завтра узнаю.

Она посмотрела на лежащую рядом тетрадь.

— А у своего не спросил?

— Нет.

— Хотел?

— Конечно.

— Что именно?

— Говорит ли Павел правду.

— Почему не спросил?

Андрей вытер руки салфеткой и откинулся на спинку.

— Потому что слишком удобно. Получу «да» и завтра буду слушать не Павла, а подтверждение Голоса. Получу «нет» — вообще перестану слушать. А мне сначала хочется по-

нять, что человек реально знает.

Ирина улыbnулась.

— Мне нравится.

— Что именно?

— Что ты хотя бы иногда вспоминаешь: люди способны сообщать информацию без сверхъестественного посредника.

— Не издевайся.

— Я не издеваюсь. Я горжусь.

— Вот это уже хуже.

После ужина они снова открыли старые фотографии. Теперь всё выглядело иначе — не как случайно найденный архив, а как место, где среди обычных снимков спряталась история, о которой Андрей почти забыл.

Ирина узнавала его мгновенно.

— Ты везде с одинаковым выражением.

— Каким?

— Как будто тебе сейчас должны что-то неправильно объяснить.

— Это нормальное выражение.

— Для тебя.

Они дошли до последнего снимка. Андрей лежал на раскладном стуле, глаза закрыты, на плечах полотенце. Рядом стояла бутылка воды.

— Это уже после? — спросила Ирина.

— Похоже.

— Кто там был?

Андрей начал перечислять, вглядываясь в лица.

— Славка. Юрка. Таня. Лёха, кажется. Вот этих двоих уже не помню.

— Со Славкой общаешься?

— Лет пять точно нет.

— Найти можешь?

— Наверное.

— Вот и спроси.

— Что именно?

— Помнит ли он, что тебе кто-то сказал, куда плыть.

Андрей посмотрел на неё.

— Через тридцать лет?

— Павел тебя через тридцать лет нашёл.

Он взял телефон. Слава Гончаров в контактах сохранился. Мессенджер показывал свежую фотографию: седая борода, кепка, огромная рыба на вытянутых руках.

— Живой.

— Уже хороший результат.

— Сейчас звонить не буду.

— Почему?

— Половина одиннадцатого.

— Старым людям нельзя после десяти?

— Очень смешно.

Андрей положил телефон.

— Завтра.

— А вопрос?

Он понял сразу.

— Какой?

— Не притворяйся. Ты весь вечер его крутишь.

Андрей провёл пальцем по краю тетради.

Можно было спросить прямо:

«Ты говорил со мной летом девяносто шестого?»

Хороший, почти идеальный вопрос. Если да — история начиналась намного раньше, чем он думал. Если нет — связь с рекой превращалась в обычное совпадение памяти.

Но именно масштаб ответа заставлял не торопиться.

— Завтра сначала поговорю с Павлом.

— Боишься узнать заранее?

— Боюсь потом подгонять всё под ответ.

Ирина посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Вот сейчас серьёзно молодец.

— Не привыкай.

— Даже не собиралась.

Утром Андрей написал Славке ещё до завтрака:

«Привет. Живой?»

Ответ появился минут через пять:

«Вроде. Ты кто?»

Андрей усмехнулся.

«Тот, кому ты в 2003-м дрель не вернул».

Телефон зазвонил почти сразу.

— Сука, — сказал Славка вместо приветствия. — Я про

эту дурь двадцать лет не вспоминал.

— Значит, всё-таки не забыл.

— Я её тебе вернул.

— Нет.

— Андрей, я старый человек, не порть мне биографию.

Ты сам где пропал?

— Работал.

— Тридцать лет?

— Примерно.

— Ты чего вдруг позвонил?

— Вопрос есть. Станный.

— Если денег попросить — сразу нет.

— Успокоил. Я как раз не за деньгами.

— Тогда спрашивай. Хотя теперь даже жалко.

Ирина, наливавшая кофе у плиты, тихо засмеялась.

Андрей вышел на балкон.

— Лето девяносто шестого помнишь? Мы на реке были большой компанией.

На другом конце стало тихо.

— Когда пацан чуть не утонул?

Андрей машинально выпрямился.

— Да.

— Ещё бы. Ты тогда героя включил.

— Слав, не начинай.

— А что? Полез за ним, потом сам за машиной блевал.

— Спасибо. Самая ценная часть воспоминания.

— Зато честная.

— Мне серьёзно надо. Когда мальчишку понесло, все куда побежали?

— Андрей, ты чего решил именно сегодня это вспомнить?

— Потом объясню. Просто попробуй.

Слава помолчал.

— Вниз вроде. Там течение к повороту шло. Кто-то заорал, что его туда понесло, и все рванули.

— А я?

— Ты полез в воду.

— Где?

— Да откуда я через тридцать лет знаю? Почти там, где стояли.

— Кто-нибудь мне кричал, куда плыть?

— Все орали.

— Не вообще. Мне конкретно. Что-нибудь вроде «**левее**», «к кустам», «он там».

Пауза затянулась.

— Не помню.

— Подумай.

— Я думаю. В отличие от некоторых у меня память обычная.

— Слав.

— Да подожди ты.

В трубке зашуршало, будто он пересел или вышел куда-то.

— Какая-то хрень была, — наконец сказал Слава.

— Какая?

— После. Когда тебя уже вытащили... то есть когда вы оба вылезли. Тебя спросили, зачем ты в ту сторону поплыл.

Андрей крепче сжал телефон.

— И что я сказал?

— Вроде кто-то показал. Или крикнул. Точно не вспомню.

— Кто?

— Вот этого не знаю.

— Я говорил, что видел человека?

Слава снова замолчал.

— По-моему, наоборот.

— Что наоборот?

— Что не видел. Мы ещё потом обсуждали. Типа кто тебе там кричал, если все в другую сторону побежали.

Андрей вошёл с балкона. Ирина по его лицу сразу поняла, что разговор перестал быть смешным.

— Ты уверен?

— Нет, конечно. Как я могу быть уверен через тридцать лет? Но что-то такое было. Ты вообще зачем копаешь?

— Нашёлся тот мальчик.

— Да ладно.

— Вчера написал.

— Живой?

— Раз пишет, скорее всего.

— Дурак. Я спрашиваю, как у него жизнь.

— Вроде нормально. Сегодня встречусь.

— Вот это да.

Слава присвистнул.

— Слушай, потом расскажешь?

— Расскажу, когда сам пойму.

— Ненавижу эту фразу.

— Я тоже.

— Ты в Краснодаре?

— Да.

— Давай увидимся. Я тебе дрель верну.

— Оставь. Она уже совершеннолетняя.

Слава рассмеялся.

— Ладно. Позвони потом.

— Договорились.

Андрей положил телефон.

Ирина поставила перед ним кофе.

— Ну?

— Он тоже помнит, что я говорил о человеке, которого не видел.

— Ты ему про тетрадь матери Павла рассказывал?

— Нет.

— Про слово «левее»?

— Спросил, но уже после того, как он сам вспомнил разговор.

— Значит, это хотя бы не только твоя сегодняшняя память.

— Похоже.

Она села напротив.

— Теперь тебе ещё сильнее хочется спросить?

Андрей посмотрел на тетрадь.

— Намного.

— И?

— Подожду до встречи.

Ирина подняла чашку.

— Очень взрослый человек.

— Ещё немного, и кофе будешь пить на лестнице.

Работа до обеда помогла переключиться. Ковалёв позволил около десяти и сообщил, что поговорил с крупнейшим заказчиком той фирмы. Причина оказалась именно там, где Андрей и ожидал: сроки, две серьёзные рекламации за год и отсутствие нормальной обратной связи.

— Продавец уже готов обсуждать девяносто, — сказал Ковалёв.

— Вчера было сто двадцать.

— Поэтому мне нравится бизнес.

— А мне нравится, что за одну ночь у вас возникли тридцать миллионов здравого смысла.

— Буду давить дальше.

— Сначала решите, нужна ли вам фирма вообще.

— Ты неисправим.

— Зато экономлю деньги.

Миша принёс расчёт по новому объекту, Лена напомнила про налоговый платёж, Настя прислала три фотографии Ан-

доря для страницы «О компании» и подписала: «На второй ты выглядишь почти добрым».

Обычный день продолжался, и это странным образом успокаивало. Мир не превратился целиком в загадку только потому, что тридцать лет назад кто-то, возможно, сказал одно слово возле реки.

В два Андрей выехал на встречу.

Павел предложил небольшое кафе недалеко от Чистяковской рощи. Андрей приехал минут на десять раньше, выбрал стол у стены и заказал воду.

Павла он узнал сразу, хотя взрослый мужчина почти ничем не напоминал одиннадцатилетнего мальчика на старой фотографии. Среднего роста, чуть полноватый, короткие русые волосы с сединой у висков, синяя рубашка, джинсы. В руке — тонкая коричневая папка.

Он остановился возле стола.

— Андрей?

— Павел.

Пожали руки.

Павел сел и несколько секунд откровенно рассматривал его.

— Странно.

— Что?

— Я вас всегда представлял молодым.

Андрей усмехнулся.

— Простите, не сохранился.

Павел тоже улыбнулся, напряжение немного ушло.

— Кофе?

— Да, спасибо.

Когда официантка отошла, Павел положил папку на стол.

— Вчера я хотел всё объяснить по телефону. Потом понял, что лучше показать.

— Тетрадь?

— Она тоже.

Он достал старую ученическую тетрадь в клетку. Обложка выцвела, на уголке ручкой было написано: «1994—1998».

— Мамина.

Павел открыл страницу, отмеченную бумажной полоской, и подвинул к Андрею.

Почерк оказался мелким, аккуратным; сверху стояла дата. Андрей начал читать.

Мать Павла записала день почти по минутам. Во сколько приехали, кто был с ними, где поставили машины. Как Павел полез купаться, хотя она несколько раз просила не отходить далеко. Как кто-то заметил, что ребёнка уже не видно там, где он был минуту назад. Как мужчины побежали вниз по берегу.

И отдельно — про Андрея.

«Молодой парень Андрей сначала побежал вместе со всеми, потом остановился, вернулся, снял обувь и полез в воду. Мы кричали, что Пашу несёт ниже. Андрей будто не слышал. Поплыл поперёк к кустам у другого берега».

Андрей перечитал.

Дальше:

«Нырнул. Первый раз вышел один. Нырнул снова. Вытащил Пашу».

Он почувствовал, как память откликается уже не отдельными картинками, а телом. Тяжесть мокрой одежды. Резь в лёгких. Паника от того, что под рукой сначала только вода и водоросли.

Он читал дальше.

«После скорой спросила Андрея, почему полез туда. Сказал: кто-то крикнул, что ребёнок там. Спросила, кто. Андрей ответил, что не знает. Сказала, что никто Пашу возле кустов не видел. Андрей сначала спорил, потом сказал: значит, слышалось».

Ниже другой ручкой, явно сделанная позже приписка:

«Спрашивала Витю, Славу, Таню. Никто не кричал Андрею про кусты».

Андрей поднял глаза.

— Славу я сегодня спрашивал.

Павел удивился.

— Нашли?

— Никуда не исчезал. Телефон двадцать лет один и тот же, наверное.

— Что говорит?

— Помнит примерно то же. Что я после воды рассказывал о ком-то, кого сам не видел.

Павел медленно кивнул.

— Значит, мама не придумала.

— Во всяком случае, не она одна.

Андрей ещё раз посмотрел на записи.

— Зачем ваша мать так подробно это фиксировала?

Павел провёл ладонью по обложке.

— После той истории она стала за меня трястись. Потом записывала болезни, врачей, поездки. Не дневник в обычном смысле. Скорее всё, что считала важным.

— А вы сами что помните?

— Очень мало. Свет сверху. Воду. Что не могу вдохнуть. Потом берег. Мама плачет. Вы рядом сидите.

— Меня помните или по фотографиям знаете?

Павел задумался.

— Уже не отличу. Наверное, часть настоящая, часть потом собралась из рассказов.

— Вот и у меня так.

Павел посмотрел на него внимательнее.

— Слово вспомнили?

Андрей медленно положил ладонь на стол.

— Какое слово?

Павел отвёл взгляд.

Изменение было небольшим, но Андрей заметил.

— Я вам не говорил, что было слово.

— Не говорили.

— Тогда откуда вопрос?

Павел несколько секунд молчал.

— Поэтому я вчера и сказал, что это не всё.

Андрей откинулся на спинку.

— Отлично. Давайте теперь без красивых пауз. Что ещё?

Павел открыл папку и достал обычный белый лист с напечатанным текстом.

— Я записал сразу. В тот же день. Чтобы потом не убеждать себя, что что-то перепутал.

— Что записали?

Павел подвинул лист. Первая строка: **«Позвони сестре сейчас».**

Андрей прочитал и поднял глаза.

— Кто это сказал?

— Вот это я и пытаюсь понять.

— Начните с начала.

Павел сцепил пальцы.

— Три недели назад я ехал домой. Обычный день. Радио работало, я думал о работе. И вдруг услышал эту фразу.

— В машине?

— Да, но сразу понял, что не из радио.

— Голос мужчины?

— Не знаю.

Андрей почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Женщины?

— Тоже не знаю. Я вообще не могу определить. Как будто вопрос пола к нему не относится.

Андрей смотрел на Павла уже иначе.

— Вы позвонили сестре?

— Не сразу. Сначала чуть не проехал свой поворот. Потом остановился и всё-таки набрал.

— Что случилось?

— Она не ответила. Я позвонил ещё раз. Потом её мужу — он был на работе. В итоге соседка открыла квартиру своим ключом. Сестра лежала в ванной без сознания. Давление, упала, ударилась головой. Врачи потом сказали: если бы пролежала до вечера одна, всё могло закончиться намного хуже.

Андрей ещё раз посмотрел на строчку.

— Один раз?

— Нет.

— Сколько?

— Четыре.

— За три недели?

— Да.

Павел перевернул лист.

— Через пять дней я приехал утром в офис. Уже собирался открывать дверь и услышал: **«Не заходи»**.

— И не зашли?

— Постоял как идиот, потом решил сходить за кофе. Через несколько минут в электрощитовой на первом этаже коротнуло. Дым, пожарные, эвакуация.

— Кто-нибудь пострадал?

— Нет.

— Значит, если бы зашли, просто вышли бы вместе со всеми.

— Да. Я тоже об этом думал. Второй случай мог вообще ничего не значить.

Андрей кивнул.

Ему понравилось, что Павел сам это сказал.

— Третий?

На лице Павла впервые появилось что-то похожее на смущение.

— **«Не продавай».**

— Что?

— Машину.

Андрей не удержался от улыбки.

— Уже интереснее.

— Я как раз ждал покупателя. Договорились по цене. После этого отказался. На следующий день позвонил другой человек и предложил на сто восемьдесят тысяч больше.

— И вы решили, что Голос занялся вашим финансовым благополучием.

— Примерно.

— А четвёртый?

Улыбка исчезла. Павел снова подвинул лист. Ниже была ещё одна строка:

«**Найди Андрея**». Андрей прочитал её дважды.

— Какого Андрея?

— Я именно это и спросил.

— Вслух?

— Да. Минут десять ходил по квартире и чувствовал себя полным идиотом. Спрашивал: «Кто такой Андрей? Какой Андрей?» Ничего.

— Потом?

— Я уже решил, что всё. Схожу с ума. Сел на кухне.

Павел посмотрел Андрею прямо в глаза.

— И тогда услышал: **«Тот, кто вытащил тебя»**.

Внутри стало очень тихо.

Не в кафе — вокруг продолжали говорить, звенели чашки, открывалась дверь, кто-то смеялся у стойки. Но все эти звуки словно отодвинулись.

— До этого вы знали мою фамилию?

— Нет. Имя помнил. Мама иногда вас вспоминала. Фамилию нашёл в тетради.

— И поэтому вышли на меня?

— Да.

— Почему вчера не рассказали сразу?

Павел криво улыбнулся.

— Если бы я позвонил незнакомому человеку и начал с того, что голос в голове приказал его найти, вы бы продолжили разговор?

Андрей подумал.

— Возможно.

— Серьёзно?

— Последний месяц — возможно.

Павел смотрел на него несколько секунд, и выражение лица постепенно изменилось: в нём появилась не столько догадка, сколько надежда.

— Вы тоже?

Андрей не ответил сразу.

Можно было соврать. Сказать, что просто интересуется. Уйти, проверить Павла, спросить Голос, подумать.

Но после всего, что происходило за последний месяц, ложь сейчас казалась особенно глупой.

— Да.

Павел медленно выдохнул и откинулся назад.

— Господи.

— Не торопитесь радоваться.

— Вы не понимаете. Я три недели никому не говорил. Один раз почти записался к психиатру.

— Почему не записались?

— Сестра. Машина. Эти совпадения... Я всё время думал: если это болезнь, почему она сообщает то, чего я не знаю?

— Нормальный вопрос.

— Давно у вас?

— Около месяца.

— Что говорит?

— Много чего.

— Тоже предупреждает?

— Иногда.

— На вопросы отвечает?

Андрей чуть прищурился.

— А ваш?

Павел заметил встречный манёвр и улыбнулся.

— Один раз.

— На какой вопрос?

— Я спросил, почему именно я.

Андрей перестал улыбаться.

— И что?

— Ничего. Тогда ничего.

Напряжение чуть отпустило.

Павел продолжил:

— На следующий день спросил по-другому. Связан ли он с тем, что произошло на реке.

— Ответил?

— Да.

— Что сказал?

Павел посмотрел на лежащую между ними старую тетрадь.

— **«Ты был там не один».**

Андрей не сразу понял смысл фразы. Потом почувствовал, как она сцепляется с ответом, полученным накануне: **Потому что ты уже однажды выбрал.** Река, Павел и Голос, которого никто не слышал, вдруг оказались частями одной истории.

— Это точная фраза?

— Дословно. Я сразу записал.

— После этого говорил ещё?

— Нет.

— Сколько уже?

— Шесть дней.

— Раньше такие паузы были?

— Максимум пять.

Павел наклонился ближе.

— Андрей, вы понимаете, что происходит?

— Нет.

— Но вы хотя бы знаете правила.

— Несколько своих.

— Каких?

Андрей помолчал.

Вот здесь начиналась опасная территория. Павел смотрел так, как сам Андрей ещё недавно смотрел на каждую новую возможность: дай инструкцию, объясни, как пользоваться, скажи, где кнопка.

— Договоримся сразу, — сказал он. — Я не эксперт.

— Но вы слышите его дольше.

— На несколько недель, а не на несколько жизней. Всё, что у меня получилось понять, может относиться только ко мне.

— Хорошо.

— И ещё. Не начинайте спрашивать обо всём подряд.

Павел удивился.

— Почему?

Андрей невольно усмехнулся.

— Потому что это очень удобно.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Перед вами решение — спрашиваете. Незнакомый человек — спрашиваете. Сделка, поездка, работа, деньги — спрашиваете. Если ответы точные, мозг быстро делает вывод: зачем вообще ошибаться самому?

Павел посмотрел с сомнением.

— Пока я получил четыре коротких фразы.

— Вот и не спешите превращать их в систему управления жизнью.

— А вы превратили?

Вопрос был задан без издёвки.

Андрей некоторое время смотрел в окно.

— Почти.

— И что?

— Не понравилось.

Павел кивнул, уже серьёзнее.

Андрей рассказал о первом предупреждении на дороге. Без фамилий и подробностей — просто про самосвал и одно слово: «**Тормози**». Рассказал, как позже Голос начал отвечать на вопросы, сначала «да» и «нет», потом называл места, цифры, время. Про склад рассказал почти полностью. Про Корнеева и Серова — только в общих чертах, не называя чужих деталей.

Павел слушал, не перебивая.

— Один вопрос в сутки? — переспросил он.

— У меня долго было так. Потом выяснилось, что он может сам вмешаться и без вопроса.

— У меня всё наоборот. Он почти всегда сам.

— Поэтому я и говорю: не считайте мои правила вашими.

— А если я задам второй вопрос сегодня?

— Не знаю.

— Вы бы попробовали?

Андрей усмехнулся.

— Месяц назад — обязательно. Сейчас сначала подумал бы, нужен ли мне ответ.

— Вы очень изменились?

— Мне так говорят.

— Голос?

— Женщина.

Павел впервые за несколько минут рассмеялся.

— Это убедительнее.

— Намного.

Разговор продолжался почти час. Андрей посоветовал записывать всё дословно: время, обстоятельства, что происходило до фразы, что после, задавался ли вопрос вслух или только возникал в голове.

— Зачем столько мелочей?

— Чтобы потом отличать факты от собственных выводов. Через неделю вам будет казаться, что вы точно помнили то, чего сегодня вообще не заметили.

— Как с рекой.

— Именно.

Павел убрал листы в папку.

— Можно ещё один вопрос?

— Вы и так весь час спрашиваете.

— Личный.

— Попробуйте.

Павел помедлил.

— Вы никогда не думали, что это... ну, не знаю. Что-то религиозное?

Андрей покачал головой.

— Думал обо всём. От опухоли до ангела-хранителя. Пока ни одна версия не объясняет даже половины.

— А врач?

— Был.

— И?

— Пока жив.

Павел рассмеялся.

— Я не об этом.

— Понимаю. Проверяюсь. Но медицина не объясняет, откуда берётся информация, которой у меня физически не было.

— Вот и я об этом.

— Поэтому пока полезнее не придумывать название.

Они вышли из кафе около пяти.

На улице было тепло. Чистяковская роща через дорогу

жила своей обычной жизнью: дети, велосипеды, родители с колясками, пожилые мужчины на лавке.

Павел остановился возле своей машины.

— Андрей.

— Да?

— Я тридцать лет хотел вам сказать спасибо.

Андрей поморщился.

— Только не надо торжественной части.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что на неё отвечать.

— Можно просто «пожалуйста».

— Вы очень требовательный спасённый.

Павел улыбнулся.

— Всё равно спасибо.

Андрей хотел привычно отмахнуться, но передумал.

— Ладно. Пожалуйста.

Они пожали руки.

— Позвоню, если он снова появится, — сказал Павел.

— Запишите сначала. Потом звоните.

— Уже понял.

— И не экспериментируйте специально.

— Это вы сейчас кому говорите — мне или себе месячной давности?

Андрей посмотрел на него.

— Быстро учитесь.

Он дошёл до «Гранд Чероки», открыл дверь и не сел.

Павел уже выезжал со стоянки.

Можно было отправиться домой.

Можно было сначала позвонить Славке ещё раз, найти остальных участников той поездки, поднять старые карты и точно восстановить место, где всё произошло. Можно было проверить самого Павла, узнать, чем он занимается, действительно ли недавно умерла мать, существует ли сестра и была ли история с ванной.

Можно было сделать ещё десяток вещей.

Но один вопрос уже существовал — не как любопытство, а как необходимость.

Андрей сел в машину и закрыл дверь.

Несколько секунд смотрел через лобовое стекло на людей, переходивших парковку. Потом тихо, без подготовки, спросил:

— Ты говорил с Павлом Лариным?

Ответ пришёл сразу.

— Да.

Глава 3. Второй адресат

Ответ прозвучал настолько спокойно, будто Андрей спросил о чём-то давно известном.

— Да.

Он остался сидеть за рулём, не заводя машину. Первым желанием было спросить дальше: когда, почему, один ли это и тот же Голос, почему Павел слышал его только сейчас. Вопросы полезли один за другим, слишком быстро, и Андрей почти физически почувствовал знакомое желание воспользоваться открывшейся дверью, пока она не закрылась.

Но первый вопрос уже был задан.

Даже если правило изменилось окончательно, проверять это именно сейчас он не хотел.

Он достал телефон и позвонил Ирине.

— Ты где? — спросила она.

— В машине.

— Очень содержательно. Машина где?

— Возле Чистяковской рощи. Я только что от Павла.

В голосе Ирины сразу исчезла лёгкость.

— Ну?

— Спросил.

— Что именно?

— Говорил ли Голос с Павлом Лариным.

На другом конце стало тихо.

— И?

— Да.

Ирина не ответила сразу.

Андрей посмотрел через стекло. Мимо машины прошли женщина с девочкой лет пяти. Девочка тащила её к палатке с мороженым, женщина сопротивлялась без особого убеждения.

— Ты уверен, что правильно сформулировал? — наконец спросила Ирина.

— «Ты говорил с Павлом Лариным?» Куда уж прямее.

— Я не про грамматику.

— А про что?

— Про смысл. Он подтвердил только то, что говорил с Павлом. Не то, что произошло на реке, не то, почему он его нашёл и не то, что Павлов Голос работает по тем же правилам.

Андрей усмехнулся.

— Иногда ты очень неудобная женщина.

— Именно поэтому ты мне звонишь.

— Наверное.

— И ещё, Андрей.

— Что?

— Не начинай уже сейчас строить огромную теорию про сеть избранных.

— Я ничего не строю.

— Ты мне звонишь через минуту после ответа.

— Это ещё не теория.

— У тебя фундамент уже есть. Я тебя знаю.

Он завёл двигатель.

— Ладно. Еду домой.

— Купи воды.

— Есть дома.

— Нет.

— Вчера была упаковка.

— Ты вчера выпил последнюю.

Андрей помолчал.

— Вот почему обычная жизнь полезна. Она быстро возвращает масштаб.

— Две бутылки по полтора.

— Понял.

По дороге он действительно старался не додумывать. Получалось плохо.

До сегодняшнего дня Голос был чем-то исключительно его. Можно было спорить, откуда он взялся, что умеет, насколько видит будущее и существует ли вообще отдельно от сознания Андрея, но вся история помещалась внутри одного человека.

Теперь это перестало быть правдой: Павел слышал именно его — не похожий голос и не что-то, что по описанию могло оказаться тем же феноменом.

На прямой вопрос Андрей получил прямое «да».

И если принять ответ, следовало принять ещё одну вещь:

Голос способен обращаться не к одному человеку.

В магазине он поймал себя на том, что стоит перед полкой с водой и уже минуту смотрит на одинаковые бутылки.

— Мужчина, вы брать будете? — спросила женщина с тележкой.

— Буду.

Он отступил, пропустил её и вдруг засмеялся.

Только что подтвердилось, что загадочный собеседник в его голове разговаривает как минимум ещё с одним человеком, а он завис перед минералкой.

Это было нормально и, пожалуй, даже к лучшему. Дома Ирина встретила его в прихожей.

— Воду принёс?

Андрей поднял пакет.

— Экзамен сдал.

— Хорошо. Теперь можешь заниматься сверхъестественным.

Она забрала одну бутылку и пошла на кухню.

— Павел что ещё рассказал?

Андрей повторил разговор подробнее, чем по телефону: четыре вмешательства Голоса, сестра, офис, машина, указание найти Андрея и последнюю фразу — **«Ты был там не один»**.

Ирина слушала, сидя на подоконнике. Когда он закончил, она задумчиво покрутила крышку бутылки.

— Машина мне не нравится.

— Какая?

— Которую он не продал.

— Почему?

— С сестрой понятно: могла умереть. С офисом хотя бы была опасность, пусть небольшая. Найти тебя — вообще отдельная история. А машина зачем?

— Заработал сто восемьдесят тысяч.

— Вот именно. Слишком бытовое.

Андрей сел напротив.

— Мне он тоже помогал с деньгами.

— Помогал. Но у тебя это постепенно выросло из попытки понять правила. А у Павла Голос сам вмешался в продажу машины.

— Может, покупатель был плохой.

— Может.

— Может, та цена что-то меняла дальше.

— Может.

— Может, мы просто ищем великий смысл там, где его нет.

Ирина улыбнулась.

— Вот эта версия мне нравится больше всех.

Андрей взял бутылку.

— Я другое заметил.

— Что?

— Почти во всех случаях он появляется в момент выбора.

— У тебя тоже.

— Не всегда.

— Почему?

— Склад. Я спросил, где оборудование. Там не было выбора.

— Был. Что делать дальше после ответа.

— Это уже можно притянуть к чему угодно.

— Конечно. Любую человеческую жизнь можно описать как бесконечный выбор.

Андрей кивнул.

— Поэтому пока не теория.

— Наконец-то.

— Но фраза «ты уже однажды выбрал» теперь звучит по-другому.

Ирина перестала крутить крышку.

— Потому что у Павла тоже всё началось с выбора?

— Или потому что тот день на реке вообще был про выбор.

— Ты полез за ребёнком.

— Не просто полез. Все побежали вниз, а я поплыл к другому берегу.

— Потому что услышал «левее».

— Если действительно услышал.

— Хорошо. Если.

Андрей встал и подошёл к окну. Сумерки уже легли на двор, в окнах соседнего дома зажигался свет.

— Допустим, он говорил со мной тогда. Почему исчез на

тридцать лет?

— Может, не исчез.

Андрей обернулся.

— В смысле?

— Ты уверен, что больше никогда ничего подобного не было?

Он хотел сразу ответить «уверен», но остановился.

За тридцать лет человек принимает тысячи решений. Иногда внезапно передумывает. Иногда чувствует опасность. Иногда делает шаг в сторону и потом не может толком объяснить, почему.

— Нет, — признал Андрей.

— Вот.

— Но сейчас он говорит отчётливо.

— Сейчас ты его уже знаешь.

Эта мысль Андрею не понравилась.

— То есть раньше я мог принимать его за себя?

— Я не сказала, что так было. Я сказала, что ты не можешь исключить.

— Очень полезный разговор. Чем дальше, тем меньше я понимаю.

— Значит, хороший.

Телефон на столе коротко звякнул: Павел прислал сообщение.

«Нашёл ещё запись. Кажется, важную».

Андрей сразу набрал его.

— Что нашли?

— Не запись Голоса. В маминой тетради.

— Как вы её раньше пропустили?

— Это на следующей странице. Я вчера смотрел только то, что про меня и про вас. А сейчас перечитывал всё подряд.

— Читайте.

Павел зашелестел бумагой.

— Тут после списка людей, которых мама спрашивала, написано: «Таня вспомнила, что утром Сергей тоже говорил про чей-то голос. Найти Сергея не удалось».

Андрей выпрямился.

Ирина по его лицу поняла, что что-то произошло, и подошла ближе.

— Ещё раз.

Павел повторил.

— Какой Сергей?

— Не написано. Только имя.

— Таня кто?

— Вот это можно выяснить. В другой записи есть Татьяна Морозова. Думаю, та же женщина.

— Она была на реке?

— Да. На фотографиях тоже есть.

— Фамилия тогда была Морозова?

— Судя по тетради.

Андрей прикрыл микрофон.

— Ирина, помнишь женщину на фотографии возле стола?

Тёмные волосы, белая майка?

— Помню.

Он вернулся к разговору.

— Павел, ничего сами пока не спрашивайте у Голоса.

— Я и не собирался.

— И Таню сегодня ночью не ищите.

— Почему?

— Потому что вы сейчас возбуждены не меньше моего и через час решите звонить всем Морозовым Краснодарского края.

Павел засмеялся.

— Вообще-то уже открыл поиск.

— Закройте.

— Почему вы всё время мной командуете?

— Потому что вы сами нашли человека, который старше вас в этом безумии на три недели.

— Аргумент.

— Завтра утром пришлите мне фото страницы. Я попробую поднять старые контакты.

— Хорошо.

Андрей отключился; Ирина уже ждала продолжения.

— Ну?

Он пересказал услышанное, и Ирина медленно села.

— Сергей тоже говорил про чей-то голос.

— Если Таня правильно помнила и мать Павла правильно записала.

— И если это тот же Сергей, которого можно найти.

— И если вообще найдём Таню.

Ирина посмотрела на него.

— Ты специально сейчас перечисляешь все «если», чтобы не побежать к компьютеру?

— Помогает.

— Не очень.

Андрей уже тянулся к ноутбуку, и Ирина рассмеялась.

— Вот именно.

Поиск оказался одновременно проще и бесполезнее, чем ожидалось. Татьяна Морозова — имя слишком распространённое. В старых фотографиях Андрей нашёл женщину, которую смутно помнил, но фамилия ничего не дала. Социальные сети выдали десятки подходящих по возрасту женщин.

Он написал Славе.

«Таню Морозову из той поездки помнишь?»

Слава ответил через минуту:

«Черненькая? С Юркой тогда встречалась?»

«Наверное. Телефон есть?»

«Ты точно в секту попал».

«Телефон».

Через несколько минут Слава прислал номер.

«Не уверен, что актуальный. Лет семь назад поздравлял с днюхой».

Через минуту Слава сам перезвонил. Судя по голосу, вопрос всё-таки зацепил его сильнее, чем он хотел показать в

переписке.

— Ты мне нормально скажи, зачем тебе Таня понадобилась через тридцать лет?

— Нашёл старую фотографию. Пытаюсь восстановить, кто был на реке.

— А-а. Тогда понятно. Я уже решил, что ты внезапно за молодостью соскучился.

— Слава.

— Молчу. Таню я хорошо помню. Она тогда со всеми спорила, а после того случая вообще два дня ходила как заведённая. Всё повторяла, что надо было раньше заметить пацана.

— Про Сергея что-нибудь говорила?

— Какого Сергея?

— Вот поэтому и спрашиваю.

Слава задумался. Было слышно, как на его стороне разговаривает телевизор.

— Имя знакомое, но там Сергеев было несколько. Ты лучше Таню сам спроси. Только сейчас не звони, если номер живой. В одиннадцать вечера человеку тридцатилетняя река может показаться плохим поводом для знакомства.

— Ирина сказала почти то же самое.

— Значит, у тебя вокруг ещё остались разумные люди.

— Спасибо.

— Обращайся. И если выяснишь, что мы тогда всей компанией разговаривали с инопланетянами, мне последнему

скажи. Я спокойно жил.

После звонка Андрей ещё раз посмотрел на присланный номер. Слава шутил, но сама мысль была правильной: для него эти события за последние дни стали почти текущими, а Татьяна могла тридцать лет вообще к ним не возвращаться. Врываться в её поздний вечер со своей срочностью было бы удобно только ему.

Заодно это было напоминанием: он собирал прошлое не из документов, а из чужой памяти, а она имела право быть неполной, неточной и просто человеческой.

Андрей посмотрел на часы.

Было уже почти одиннадцать.

— Завтра, — сказала Ирина.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо телефона.

— Какое ещё лицо телефона?

— Которое сейчас позвонит человеку в одиннадцать вечера и начнёт: «Здравствуйте, помните реку тридцать лет назад?»

— Если номер рабочий, она всё равно увидит пропущенный.

— Андрей.

Он положил телефон.

— Ладно.

— Спасибо.

— Ты получаешь слишком много удовольствия от власти.

— Кто-то должен компенсировать Голос.

Перед сном Андрей открыл тетрадь.

Новый разворот уже выглядел как схема расследования:
1996.

Павел.

Татьяна Морозова.

Сергей — фамилия неизвестна.

Под ними Андрей написал:

«Голос обращался минимум к двум людям».

Подумал и исправил:

«Подтверждено: говорил с Павлом».

Это было точнее.

Потом добавил:

«Возможно, говорил с кем-то ещё в 1996».

Он перечитал и почувствовал раздражение. Слишком быстро обычная тетрадь снова превращалась в лабораторный журнал.

Ирина уже лежала в кровати.

— Что пишешь?

— Что пока ничего не знаю.

— Для этого тебе нужна тетрадь?

— Мне нравится документировать поражения.

— Полезная привычка.

Андрей выключил свет.

Несколько минут лежал молча, но сон не приходил.

— Ир.

— М?

— Если завтра Таня скажет, что никакого Сергея не было?

— Тогда одна версия отпадёт.

— А если скажет, что был?

— Тогда появится новый человек.

— Тебя вообще ничего не тревожит?

Ирина повернулась к нему.

— Тревожит.

— Не видно.

— А что я должна делать? Бегать по квартире?

— Можно хотя бы признать, что история становится страннее.

— Андрей, месяц назад ты слышал голос, который спас тебя от самосвала. Потом он начал называть адреса, цифры и чужие имена. Теперь выяснилось, что его слышит ещё один человек. У меня давно закончилась шкала «страннее».

Он рассмеялся в темноте.

— Хорошо сказала.

— Спи.

— А если не получится?

— Считай насосы.

— Злая.

— Проверенный метод.

Утром Павел прислал фотографию страницы в семь сорок две.

Андрей увеличил запись.

Почерк матери был тем же:

«Таня вспомнила, что утром Сергей тоже говорил про чей-то голос. Сказал, будто кто-то велел переставить машину. Сначала смеялись. После того, что случилось с Пашей, стало не смешно. Сергея потом не нашла».

Ниже:

«Таня думает, фамилия Воронов или Воронцов».

Андрей перечитал запись несколько раз. Машина — как у Павла тридцать лет спустя, когда тот услышал: «**Не продавай**». Мелкая бытовая вещь, смысл которой мог проясниться только позже.

Он набрал номер Татьяны.

После шестого гудка ответил женский голос:

— Алло.

— Татьяна?

— Да.

— Татьяна Морозова?

Пауза.

— Была когда-то. А кто это?

— Андрей.

— Какой Андрей?

Он вдруг понял, насколько глупо звучит.

— Мы вместе были на реке летом девяносто шестого. Большой компанией. Павел Ларин чуть не утонул.

Молчание длилось несколько секунд.

— Андрей?

В голосе появилось узнавание.

— Тот самый?

— Смотря что вы называете «тот самый».

Она неожиданно рассмеялась.

— Значит, точно тот. Ты и тогда зануда был.

Андрей улыбнулся.

— Приятно, что люди помнят главное.

— Господи, сколько лет прошло. Ты откуда номер взял?

— Славка Гончаров.

— Жив курилка?

— Более чем. Даже дрель мою до сих пор не вернул.

— Ничего не меняется.

Несколько секунд разговор был почти обычным. Два человека, которые не виделись тридцать лет, быстро перебирали знакомые имена и выясняли, кто куда исчез.

Потом Андрей сказал:

— Таня, я вообще-то не просто так позвонил.

— Я догадалась.

— Ты помнишь Сергея, который был с нами?

На другом конце стало тише.

— Какого Сергея?

— Который утром говорил, что кто-то велел ему переставить машину.

Тишина.

Андрей уже решил, что связь прервалась.

— Таня?

— Помню.

Одно слово изменило разговор.

— Фамилия?

— Подожди. Сейчас... Серёжа Воронов. Кажется. Нет, точно Воронов. Он с Витькой приехал.

— Ты знала его хорошо?

— Нет. Видела до этого пару раз.

— Что именно было с машиной?

Татьяна не ответила сразу.

— Андрей, а зачем ты это спрашиваешь?

— Потому что вчера нашёлся Павел.

— Тот мальчик?

— Уже мужчина. Его мать оставила записи про тот день.

— Ничего себе.

— Там написано про Сергея. И про то, что ты вспомнила его слова.

Татьяна тяжело выдохнула.

— Я сто лет про это не думала.

— Попробуй сейчас.

— Он приехал на старой «девятке». Поставил её ближе к деревьям, чтобы в тени была. Потом вдруг пошёл и переставил почти к дороге. Мы ещё смеялись, потому что там солнце.

— Почему переставил?

— Сказал, кто-то сказал убрать машину.

— Кто?

— Вот тогда и началось смешное. Мы спросили — кто. Он ответил: не знает.

Андрей посмотрел на Ирину, которая стояла у кухонного стола и внимательно слушала его часть разговора.

— Потом что-нибудь случилось с тем местом?

— Вроде ветка упала. Большая. Уже после истории с мальчиком. На ту самую площадку.

Андрей медленно сел.

— На машину упала бы?

— Скорее всего. Она толстая была, старая. Мы ещё Серёгу потом подкалывали: мол, твой ангел-хранитель сегодня дежурный.

— И что он?

— Сначала смеялся. Потом перестал.

— Почему?

Татьяна снова замолчала.

— Таня?

— Потому что к вечеру он сказал одну странную вещь.

— Какую?

— Что это был не первый раз.

Андрей почувствовал, как напряжение возвращается.

— Он раньше слышал голос?

— Я не знаю. Тогда вообще никто не воспринимал это как «голос». Думали, чуйка, показалось, кто-то крикнул. Мы молодые были. Выпили потом, шутили.

— Что именно он сказал?

— Что иногда ему говорят, чего не делать.

Андрей замер.

— Так и сказал?

— Примерно. Дословно я тебе через тридцать лет не повторю.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Нет. После той поездки виделись ещё пару раз. Потом Витька перестал с ним общаться, и всё.

— Витьку найти можно?

— Наверное. У меня где-то есть контакт его сестры.

Андрей потёр лоб.

— Таня, можешь пока никому про мой звонок не рассказывать?

Она рассмеялась без веселья.

— Андрей, я тридцать лет никому про это не рассказывала. Думаю, ещё день выдержу.

— Спасибо.

— Ты сам-то зачем всё это поднял?

Он посмотрел на Ирину.

— Пока не знаю, как объяснить.

— Тогда не объясняй.

— Хорошо.

— Но если найдёшь Сергея, позвони.

— Обязательно.

Андрей уже собирался прощаться, когда Татьяна вдруг сказала:

— Подожди.

— Что?

— Я сейчас вспомнила одну вещь.

— Какую?

— В тот день Сергей был не единственным.

Андрей медленно выпрямился.

— Что значит не единственным?

Татьяна молчала так долго, что он услышал её дыхание.

— Мне тоже тогда кое-что сказали.

Глава 4. Третий

Андрей не сразу понял, что перестал дышать.

— Кто сказал?

— Если бы я знала, сейчас разговор был бы намного короче.

Голос Татьяны изменился. Только что она вспоминала старую компанию, Серёгу Воронова и упавшую ветку почти с ностальгией. Теперь в нём появилась осторожность человека, который сам не уверен, стоит ли продолжать.

— Таня, что именно ты слышала?

— Сначала скажи, зачем ты звонишь.

— Я сказал.

— Нет. Ты сказал про Павла и записи его матери. Но ты не звонил бы мне в девять утра из-за старой тетради.

Андрей посмотрел на Ирину. Та поставила перед ним чашку кофе и беззвучно спросила губами:

«Что?»

Он поднял ладонь: секунду.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Я расскажу. Только звучать будет плохо.

Татьяна усмехнулась.

— После моего последнего предложения меня уже трудно напугать.

— Примерно месяц назад я услышал голос.

Тишина.

— Какой голос?

— Не снаружи. В голове, если проще. Он сказал мне затормозить. Я затормозил, и через несколько секунд перед машиной прошёл самосвал.

Татьяна ничего не говорила.

— Потом это повторялось. Он предупреждал, отвечал на вопросы, иногда сообщал то, чего я знать не мог.

— Ты сейчас серьёзно?

— К сожалению.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что удобнее было бы объяснить всё стрессом после ДТП.

— А нельзя?

— Уже нет.

Снова пауза.

— Павел тоже слышит?

Андрей почувствовал, что именно этого вопроса ждал.

— Да.

— Господи.

— Поэтому мне и нужно понять, что произошло тогда на реке.

На другом конце послышался шум — Татьяна, похоже, куда-то перешла.

— Я сейчас сяду.

— Садись.

— Не командуй.

— Извини.

— Ничего. Ты и раньше любил.

Ирина подняла брови, услышав последнюю фразу.

Андрей отвернулся к окну.

— Так что тебе сказали?

Татьяна выдохнула.

— **«Не лезь. Кричи».**

Андрей почувствовал, как по спине прошёл холод.

— Когда?

— Когда я увидела Пашку в воде.

— Ты заметила его первой?

— Не знаю, первой или нет. Я сидела ближе к берегу. Он сначала барахтался, я подумала, играет. Потом поняла, что не может вернуться.

— И хотела полезть?

— Конечно. Я плавала нормально. Уже шагнула в воду.

— И слышала?

— Да.

— Дословно?

— Эти два слова я помню очень хорошо. **«Не лезь. Кричи».**

Андрей взял ручку и написал фразу на листке.

— Голос был мужской?

— Вот тут начинается то, над чем мы потом сами смеялись. Не знаю.

— Женский?

— Тоже не знаю. Андрей, я понимаю, как это звучит. Тогда мне казалось, что кто-то сказал совсем рядом. Я даже оглянулась. Никого.

— Что ты сделала?

— Закричала. Позвала остальных.

Андрей закрыл глаза.

Картина собиралась совершенно иначе: Татьяна замечает ребёнка, хочет идти в воду, получает короткое указание не лезть, а поднять людей; все бегут вниз по берегу, а Андрею говорят «левее».

Сергей утром переставляет машину после неизвестного предупреждения.

Три человека за один день.

— Ты рассказывала об этом матери Павла?

— Нет.

— Почему?

— Потому что после того, как его вытащили, мне уже было не до моей странной мысли. Потом Сергей рассказал про машину, ты — про того, кто крикнул тебе. Мы посмеялись, и всё. Я даже не уверена, что связывала эти вещи между собой.

— А сейчас?

— Сейчас ты говоришь, что через тридцать лет снова слышишь то же самое.

Она замолчала.

— Андрей, мне от этого как-то неуютно.

— Мне тоже.

— Ты давно знал про меня?

— Пять минут.

— Очень успокаивает.

Ирина села напротив и написала на салфетке:

«Спроси: после 96-го было ещё?»

Андрей кивнул.

— Таня, после того дня ты когда-нибудь слышала что-нибудь похожее?

— Нет.

Ответ был быстрым.

— Совсем?

— Ни разу. И если бы ты сегодня не позвонил, я бы, наверное, до смерти считала, что просто испугалась и сама себе скомандовала не лезть.

— А почему сейчас уверена, что было не так?

— Я не уверена. Просто теперь есть ты, Павел и Сергей.

— Сергея мы пока не нашли.

— Но я его слышала тогда своими ушами. Он говорил про голос.

— Ты можешь вспомнить, что ещё он рассказывал?

— Нет. Только что иногда ему будто кто-то подсказывает, чего не делать. И мне кажется, Витька знал больше.

— Почему?

— Они дружили. Приехали вместе. Когда Сергей вечером начал говорить, Витька его быстро заткнул.

— Как?

— Сказал что-то вроде: «Не начинай опять».

Андрей записал.

Это было уже не воспоминание одного человека о странном дне. Возникал след, который существовал до реки.

— Таня, найди, пожалуйста, контакт Витьки или его сестры.

— Посмотрю.

— И ещё.

— Что?

— Не звони Сергею сама, даже если найдёшь.

— Почему?

— Потому что мы пока вообще не знаем, хочет ли он, чтобы его находили.

— Ты говоришь как следователь.

— За последний месяц плохих привычек набрался.

Она помолчала.

— Андрей.

— Да?

— Если это действительно одно и то же... почему у меня было один раз, а у тебя теперь постоянно?

Он посмотрел на фразу в тетради:

Потому что ты уже однажды выбрал.

— Не знаю.

— Но думаешь.

— Конечно думаю.

— И?

— Пока лучше не говорить.

— Боишься ошибиться?

— Именно.

Татьяна тихо рассмеялась.

— Ты сильно изменился.

— Почему?

— Раньше сказал бы первым.

— Возможно.

— Ладно. Я найду Витьку.

— Спасибо.

— И Андрей...

— Что?

— Я рада, что тот мальчик выжил.

— Я тоже.

Он отключился.

Ирина несколько секунд ждала, потом не выдержала:

— Ну?

Андрей повернул к ней листок.

— **«Не лезь. Кричи».**

Она прочитала.

— Ей?

— Да. Увидела Павла, хотела сама идти в воду. Услышала

эти слова и позвала остальных.

Ирина медленно села.

— То есть без неё вы бы могли вообще не заметить сразу.

— Возможно.

— Потом все побежали вниз.

— Да.

— А тебе сказали идти в другую сторону.

— Похоже.

— И Сергей утром получил отдельное предупреждение.

— Да.

Она провела пальцем по краю салфетки.

— Это уже не похоже на случайные подсказки.

— Вот поэтому я не хотел строить теорию вчера.

— А сегодня хочешь?

— Сегодня у меня для неё хотя бы появились детали.

Ирина посмотрела на него внимательно.

— Только не делай из этого диспетчерскую небес.

Андрей невольно рассмеялся.

— Спасибо. Очень помогла.

— Я серьёзно. Пока мы знаем только, что три человека в один день слышали короткие фразы. Всё остальное — наши фантазии.

— Два точно.

— Ты и Таня.

— Сергея нет.

— Хорошо. Два точно, один со слов свидетеля.

Андрей кивнул.

— И Павел через тридцать лет.

— Вот он самый странный.

— Почему?

— Потому что в девяносто шестом он ничего не слышал.
Андрей задумался.

— По крайней мере не помнит.

— А теперь слышит.

Ирина взяла его ручку и под записью нарисовала короткую стрелку:

1996 → Андрей / Татьяна / Сергей?

2026 → Андрей / Павел.

— Получается, — сказала она, — либо Голос выбирает людей независимо, либо между ними есть какая-то связь.

— Спасение Павла.

— Возможно.

— Ты сама сказала не строить теорию.

— Я строю схему. Это другое.

— Конечно.

Она вернула ручку.

— А теперь на работу.

— После такого?

— Особенно после такого. Иначе к обеду ты найдёшь тайное общество людей, которым что-то шепчут с девяносто шестого.

— Я не настолько...

Ирина просто посмотрела.

— Ладно.

В офисе всё оказалось настолько обычным, что Андрей

почувствовал благодарность.

Лена спорила по телефону с поставщиком. Миша стоял у разобранного шкафа автоматики и объяснял молодому электрику, почему нельзя «временно» оставить скрутку там, где через неделю никто уже не вспомнит, что она временная.

— Андрей Викторович, — окликнула Лена, едва он вошёл, — Ковалёв звонил три раза.

— Значит, жив.

— Он хочет вас.

— Это хуже.

— И ещё Настя прислала фотографии, просила выбрать сегодня.

— Я вчера выбирал.

— Вы написали ей: «Любая».

— Это и был выбор.

Лена улыбнулась.

— Она сказала, что вы так ответите.

— Заговор.

Телефон зазвонил снова — Ковалёв. Андрей вошёл в кабинет и ответил.

— Доброе утро.

— Наконец-то. Ты где ходишь?

— Восемь пятьдесят три. Я даже официально ещё не опоздал.

— Продавец упал до семидесяти пяти.

— Быстро.

— Потому что я поговорил с клиентом и назвал ему две рекламации, которые он пытался спрятать.

— Уже полезнее.

— Слушай дальше. Недвижимость они готовы вынести из сделки и оставить нам в аренду на пять лет с правом выкупа.

Андрей сел.

— А вот теперь интересно.

— Я же говорил.

— Нет. Вчера вы хотели купить всё за сто двадцать. Сегодня вам продают бизнес без недвижимости за семьдесят пять. Это две разные сделки.

— Поэтому посмотри цифры.

— Пришлите.

— Уже.

На почту пришёл файл.

Следующие сорок минут Андрей занимался тем, что понимал лучше голосов из прошлого: выручкой, маржой, зарплатами, договорами и долгами. Картина оказалась одновременно хуже и лучше вчерашней.

Компания зарабатывала, но значительная часть прибыли держалась на собственных помещениях и старых амортизированных станках. Если недвижимость переходила в аренду, экономика менялась. Зато цена бизнеса без земли действительно становилась обсуждаемой.

Миша вошёл без стука, держа планшет.

— Можно?

— Уже вошёл.

— Тогда можно.

Он сел напротив.

— Я вчера подумал про ту фирму.

— Опасная привычка.

— У них начальник сервиса хороший.

— Я заметил.

— И два механика.

— Тех ты уже мысленно украл.

— Не украл. Просто если Ковалёв купит, их надо удержать.

Андрей посмотрел на него.

— Вот поэтому я тебя и взял.

Миша улыбнулся.

— Это сейчас похвала была?

— Не привыкай.

— Поздно.

Они минут двадцать обсуждали организацию сервиса, после чего Андрей поймал себя на странной мысли: ещё вчера почти всё внимание занимала загадка Голоса, а сейчас он совершенно искренне интересовался тем, сколько механиков нужно Ковалёву для новой компании.

Это не мешало друг другу.

И, возможно, именно так должно было оставаться.

Телефон завибрировал — звонил Павел.

«Можно поговорить?»

Андрей ответил:

«Через 10 минут».

Миша заметил его выражение.

— Что-то случилось?

— Пока не знаю.

— Опять?

Андрей поднял глаза.

Миша редко произносил это слово, но контекст был понятен.

— Возможно.

— Ладно. Я пойду.

У двери он остановился.

— Андрей Викторович.

— Что?

— Если что-то реально опасное — скажите.

— Скажу.

Миша кивнул и вышел.

Андрей закрыл дверь и набрал Павла.

— Что произошло?

— Он вернулся.

— Голос?

— Да.

Андрей посмотрел на часы.

— Когда?

— Минут двадцать назад.

— Что делали?

— Работал. Сидел за компьютером.

— О чём думали?

— О вас.

— Прекрасно.

— Нет, серьёзно. Я пересчитывал записи и думал, стоит ли

вам звонить.

— И?

— Он сказал одну фразу.

Андрей взял ручку.

— Дословно.

— **«Не ищи Сергея».**

Ручка остановилась.

— Что?

— Именно так.

— Вы до этого знали про Сергея?

— Только то, что вчера прочитал в маминой тетради.

— Сегодня кому-нибудь рассказывали?

— Нет.

— Татьяне не звонили?

— Я же обещал.

— Хорошо.

— Андрей, что это значит?

— Не знаю.

— Но вы ищете Сергея?

Андрей посмотрел на записку.

«Не ищи Сергея».

Фраза могла быть предупреждением, запретом или означать опасность — пока они не знали даже этого.

Могла означать, что Сергей не имеет отношения к происходящему и поиски только навредят.

А могла быть ещё чем-то, чего Андрей пока не видел.

— Пока перестаньте искать, — сказал он.

— Потому что Голос велел?

— Потому что у нас нет ни одной причины лезть напролом.

— А вы?

— Я тоже ничего делать не буду до вечера.

— До вечера?

— Мне надо подумать.

Павел помолчал.

— Вы ему верите?

Вопрос оказался неприятнее, чем Андрей ожидал.

— Я верю, что его ответы до сих пор были точными.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

— Тогда почему слушаетесь?

Андрей посмотрел в окно кабинета. За стеклом Миша что-то объяснял электрику, показывая на схему.

— Потому что иногда разумнее сначала остановиться, а уже потом выяснять, почему тебя остановили.

— Как на перекрёстке?

— Именно.

После разговора Андрей отправил Ирине одно сообщение:

«Павлу сказал: **«Не ищи Сергея»**».

Ответ пришёл почти сразу:

«А тебе?»

«Ничего».

«Не делай выводов».

Андрей написал:

«Поздно».

Через секунду:

«Я знала».

До обеда он действительно не предпринимал ничего.

Это оказалось сложнее, чем ожидалось.

Имя Сергей Воронов уже лежало перед ним. Был Славка, была Татьяна, был возможный Витька. Современный интернет позволял за полчаса узнать больше, чем мать Павла могла выяснить за месяцы в девяносто шестом.

Но короткая фраза, сказанная Павлу, работала лучше любого запрета.

Не ищи Сергея.

Почему именно Павлу?

Если предупреждение касалось всех, Голос мог обратиться к Андрею. Он знал, что Андрей ищет.

Но обратился к Павлу.

Значит ли это, что запрет только для него?

Или Голос использовал Павла, чтобы сообщение дошло

до Андрея?

Вот здесь Андрей себя остановил.

Точно так же начинались самые красивые и самые бесполезные теории.

После обеда позвонила Татьяна.

— Нашла Витьку.

Андрей посмотрел на время.

— Уже?

— Его сестра до сих пор живёт в том же районе. Витька сейчас в Анапе.

— Телефон есть?

— Есть. Я ему не звонила.

— Спасибо.

— Но кое-что спросила у сестры.

— Что?

— Про Сергея.

Андрей почувствовал раздражение.

— Таня.

— Не начинай. Я не разыскивала его, просто спросила, общается ли Витька с Серёжей Вороновым.

— И?

— Она сказала, что Сергей умер.

Андрей замолчал.

— Когда?

— В две тысячи восьмом.

— От чего?

— Не знает точно. Сказала — несчастный случай.

Всё напряжение последних часов неожиданно изменилось. Запрет «**не ищи Сергея**» перестал звучать как предупреждение о живом человеке.

И стал ещё непонятнее.

— Витька знает?

— Наверняка.

— Дай номер.

Татьяна продиктовала.

— Позвонишь?

— Не сейчас.

— Почему?

Андрей посмотрел на фразу, записанную после разговора с Павлом.

— Потому что сегодня мне уже один раз посоветовали Сергея не искать.

Татьяна молчала несколько секунд.

— Кто?

— Тот же источник.

— Тебе?

— Павлу.

— И ты всё равно собираешься звонить Витьке?

— Я пока ничего не собираюсь.

— Не узнаю тебя.

— Мне уже говорили.

После разговора он несколько минут сидел неподвижно.

Сергей Воронов умер восемнадцать лет назад. Если это правда, найти его действительно невозможно, а значит, предупреждение могло относиться не к самому человеку, а к его прошлому — документам, родным, причине смерти, тому, что он знал.

Андрей взял ручку, но писать не стал.

Вместо этого открыл файл Ковалёва.

Иногда лучший способ не придумать лишнего — заставить мозг считать.

К шести вечера он закончил расчёт, отправил Ковалёву предварительное заключение и только после этого позволил себе снова открыть тетрадь.

Павел услышал:

Не ищи Сергея.

Татьяна сообщила:

Сергей умер в 2008.

Андрей написал ниже:

«Предупреждение относится не обязательно к физическому поиску человека».

Потом зачеркнул: слишком умно. Оставил только факты.

В семь он встретился с Ириной в небольшом кафе возле дома. Она пришла прямо с работы, усталая, собрала волосы и сразу отобрала у него стакан воды.

— Ты себе закажи.

— Твой ближе.

— Очень взрослые отношения.

— Рассказывай.

Андрей пересказал весь день.

Когда дошёл до смерти Сергея, Ирина нахмурилась.

— А Павел знает?

— Пока нет.

— Почему?

— Хотел сначала с тобой поговорить.

Она удивлённо подняла глаза.

— Ого.

— Что?

— Прогресс.

— Не начинай.

— Молчу.

Ирина некоторое время размешивала чай.

— Если Сергей умер, фраза «**не ищи Сергея**» может значить что угодно.

— Вот.

— Но есть более простой вариант.

— Какой?

— Голос знает, что вы собираетесь копать его прошлое, и считает это плохой идеей.

— Почему?

— Не знаю. Может, там люди, которых не стоит тревожить.

— Может, он погиб из-за Голоса.

Ирина посмотрела на него.

— Вот. Началось.

— Что?

— Мы пять секунд назад договорились не строить огромную теорию.

— Я просто назвал вариант.

— Тогда назови ещё десять, чтобы не влюбиться в первый. Андрей усмехнулся.

— Хорошо. Он мог погибнуть вообще не из-за этого. Голос мог исчезнуть задолго до смерти. Сергей мог оказаться единственным человеком, которому подсказки вредили. Или наоборот — он перестал слушать. Или фраза вообще защищает Павла, а не нас.

— Уже лучше.

— Почему Павла?

— Потому что сказали ему.

— Логично.

— Иногда это полезно.

Официантка принесла еду.

Некоторое время они говорили о другом. Ирина рассказывала про работу, Андрей — про фирму Ковалёва. Он заметил, что специально не возвращается к теме Голоса первым.

Не из страха.

Просто хотел почувствовать, что вечер способен состоять не только из загадки.

Уже дома телефон снова зазвонил.

Павел.

— Андрей, извините, поздно.

— Нормально.

— Я сегодня ещё раз перечитал мамину тетрадь.

— И?

— Нашёл фамилию Сергея.

— Воронова?

Павел удивился.

— Откуда знаете?

— Татьяна вспомнила.

— Вы с ней говорили?

— Да.

— Значит, нашли.

— Не Сергея. Он умер.

На другом конце стало тихо.

— Когда?

— В две тысячи восьмом.

— Понятно.

— Павел, что вы нашли?

— Здесь есть ещё одна запись. Не про тот день. Через несколько месяцев.

Андрей посмотрел на Ирину. Она сразу отложила телефон.

— Читайте.

Павел зашелестел страницами.

— Декабрь девяносто шестого. Мама пишет: «Позвонил

Сергей. Спрашивал Андрея. Сказал, что ему снова было предупреждение и теперь он хочет найти того парня с реки».

Андрей почувствовал, как кожа на руках покрылась мурашками.

— Дальше.

— «Телефона Андрея у меня нет. Сергей очень нервничал. Сказал, что в следующий раз может не успеть».

Ирина встала и подошла ближе.

— Есть ещё?

— Да.

Павел помолчал.

— Через два дня мама записала: «Сергей позвонил снова. Сказал, что нашёл Андрея сам».

Андрей замер.

— Что?

— Так написано.

— Он меня нашёл?

— Получается.

— Я его не помню.

— Может, встречались?

Андрей быстро перебирал память.

Девяносто шестой: ему двадцать два, работа, знакомые, мобильных почти ни у кого. Но Сергей Воронов — ни лицо, ни имя — не вызывал ничего.

— Что дальше?

Павел ответил не сразу.

— Дальше одна фраза.

— Какая?

— «После разговора с Андреем Сергей успокоился».

В комнате стало тихо.

Ирина смотрела на него.

Андрей видел по её лицу тот же вопрос, который уже возник у него самого.

Если Сергей действительно нашёл его через несколько месяцев после реки, о чём они говорили?

И почему Андрей не помнил этого вообще?

— Павел, сфотографируйте страницу и пришлите.

— Сейчас.

Через полминуты сообщение появилось.

Андрей увеличил фотографию.

Запись была настоящей.

По крайней мере выглядела так же, как остальные.

Он перечитал три раза.

Сергей нашёл Андрея.

После разговора успокоился.

Ирина первой нарушила молчание:

— Ты точно не помнишь?

— Вообще.

— Может, он представился иначе.

— Может.

— Или встреча была короткой.

— Может.

Андрей смотрел на строчку. Внутри уже формировался вопрос к Голосу — не о Сергее, а о себе. Можно было спросить: «Я встречался с Сергеем Вороновым после лета девяносто шестого?» Но запись и так говорила, что встречался. Можно было спросить: «О чём мы говорили?» — слишком широко; «Почему я не помню?» — ещё хуже.

Он долго молчал, потом сформулировал иначе.

— Ты говорил со мной в тот день, когда Сергей Воронов нашёл меня после реки?

Ответ пришёл через несколько секунд. Голос сказал:

— **Нет.**

Облегчения Андрей не почувствовал — скорее наоборот.

Если Голос тогда с ним не говорил, Сергей пришёл к нему сам.

Значит, тридцать лет назад Андрей уже знал о чужом Голосе.

И почему-то полностью об этом забыл.